

ПСИХОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ / PSYCHOLOGY OF EDUCATION

УДК 316.64

DOI: 10.15507/1991-9468.101.024.202004.622-640

Оригинальная статья

Аттитюды студентов в отношении насилия

*И. А. Фурманов**Белорусский государственный университет,
г. Минск, Республика Беларусь,
fourmigor@gmail.com*

Введение. Насилие в социальных отношениях – важная гуманитарная проблема, касающаяся не только поведения отдельных индивидов, но и всей системы взаимодействия внутри общества в целом. Большая часть исследований в этой области была сконцентрирована на супружеских и семейных отношениях, оставив в стороне такие существенные сферы социальной жизни, как война, суровость мер наказания преступников, правомерность применения смертной казни. Значимость данного исследования обусловлена возможными негативными последствиями проявления насильственных аттитюдов в поведении и социальных отношениях. Агрессия и эмпатия как личностные черты оказывают влияние на формирование и реализацию насильственных аттитюдов в поведении. Цель статьи – изучение насильственных аттитюдов студентов.

Материалы и методы. В исследовании использовались «Опросник насильственных установок» И. А. Фурманова, М. В. Апанович, «Опросник агрессивности» (AQ) А. Басса и М. Перри, «Межличностный индекс реактивности» (IRI) М. Дэвиса. Для изучения проблемы был проведен опрос, в котором приняли участие студенты I–IV курсов различных белорусских вузов (731 чел.). Обработка результатов осуществлялась с помощью Т-критерия Стьюдента, корреляционного анализа по Пирсону, многомерного ковариационного анализа (MANOVA).

Результаты исследования. Было установлено, что женщины имеют статистически более высокие показатели аттитюдов в отношении войны и наказания преступников, чем мужчины. Мужчины, по сравнению с женщинами, имели более выраженные показатели аттитюдов в отношении телесных наказаний детей и супружеского насилия. Обнаружены положительные взаимосвязи показателей физической и вербальной агрессивности, гнева, враждебности и отрицательные взаимосвязи децентрации, сопереживания, эмпатической заботы и личного дистресса с различными насильственными аттитюдами. Физическая агрессивность и враждебность независимо от пола существенно влияют на силу практически всех насильственных установок. Характеристики эмпатии оказывают влияние на насильственные установки вариативно в зависимости от пола.

Обсуждение и заключение. Полученные результаты исследования демонстрируют актуальное состояние насильственных аттитюдов современной студенческой молодежи, а также позволяют разработать систему образовательных и воспитательных ресурсов, способствующих формированию у студентов миролюбивых, гуманитарных и ненасильственных установок. Данная статья будет полезна преподавателям вузов, ученым и психологам.

Ключевые слова: аттитюды в отношении насилия, физическая и вербальная агрессивность, гнев, враждебность, децентрация, сопереживание, эмпатическая забота, личный дистресс

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Фурманов, И. А. Аттитюды студентов в отношении насилия / И. А. Фурманов. – DOI 10.15507/1991-9468.101.024.202004.622-640 // Интеграция образования. – 2020. – Т. 24, № 4. – С. 622–640.

© Фурманов И. А., 2020

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original article

The Attitudes of Students towards Violence

*I. A. Fourmanov**Belarusian State University, Minsk, Republic Belarus,
fourmigor@gmail.com*

Introduction. Violence in social relations is an important humanitarian problem that concerns not only the behavior of individuals, but also the entire system of interaction within society as a whole. Most of the research in this area has focused on marital and family relations, leaving aside such essential areas of social life as war, the severity of criminal penalties, and the legality of the death penalty. The topic of studying students' attitudes to violence is relevant, since representatives of this age group belong to the most active and initiative part of modern society. The significance of this study is determined by the possible negative consequences of violent attitudes in behavior and social relations. Aggression and empathy as personality traits influence the formation and implementation of violent attitudes in behavior. The purpose of the article is to study students' violent attitudes.

Materials and Methods. The study rests on the "Questionnaire of violent attitudes" by I. A. Fourmanov and M. V. Apanovich, "Aggression Questionnaire" (AQ) by A. Bass and M. Perry, "Interpersonal Reactivity Index" (IRI) M. Davis. The survey involved 731 first-fourth-year students of various Belarusian universities. Processing of the results was carried out using T-test for comparison of two independent samples, correlation analysis by Pearson and multivariate covariance analysis (MANOVA).

Results. It was found that women have statistically higher rates of attitudes towards the war and punishing offenders than men. Men in comparison with women had more pronounced indices of attitudes towards corporal punishment of children and spousal violence. Discovered a positive relationship between indicators of physical and verbal aggression, anger, hostility, and negative relationship of decentration (PT), compassion (FS), empathic concern (EC) and personal distress (PD) with different attitudes towards violence in men and women. Physical aggression and hostility, regardless of gender, are significant factors that affect the strength of almost all violent attitudes. Characteristics of empathy influence forced installation variable depending on gender.

Discussion and Conclusion. The results of the study demonstrate the current state of violent attitudes of modern students, and allow to develop a system of educational and training resources that promote the formation of students' peaceful, humanitarian and non-violent attitudes. This article will be useful to university teachers, scientists and psychologists.

Keywords: attitudes towards violence, physical and verbal aggression, anger, hostility, decentration, compassion, empathic concern, personal distress

The author declares no conflict of interests.

For citation: Fourmanov I.A. The Attitudes of Students towards Violence. *Integratsiya obrazovaniya = Integration of Education*. 2020; 24(4):622-640. DOI: <https://doi.org/10.15507/1991-9468.101.024.202004.622-640>

Введение

Насилие в молодежной среде является актуальной социальной проблемой, затрагивающей не только отдельных индивидов, но и общество в целом. В самом общем виде данное понятие определяется как форма поведения, связанная с намерением и стремлением причинить другому лицу психологический вред или физический ущерб¹. В более расширенном

понимании насилие – это намеренное использование физической силы, психологического давления или власти в виде угроз или фактических действий против другого человека, группы или общества, которые приводят или имеют высокую вероятность приведения к телесным повреждениям, смерти, психологическому ущербу, дезадаптации, фрустрации или депривации² [1].

¹ Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. СПб.: Прайм-Еврознак, 2001. 512 с. URL: <http://nkozlov.ru/book/254-berkovic-leonard-agressija-prichiny-posledstvija-i-kontrol.html> (дата обращения: 14.03.2020).

² Фурманов И. А. Социальная психология агрессии и насилия: профилактика и коррекция: учебное пособие. Минск: Изд. центр БГУ, 2016. 401 с. URL: http://www.academy.edu.by/files/SPPS/Furmanov_SPPS.pdf (дата обращения: 15.03.2020); Фурманов И. А. Аффективно-динамическая модель агрессивного поведения: монография // Психологические проблемы агрессии в социальных отношениях / И. А. Фурманов [и др.] Брест: БрГУ, 2014. С. 5–20. URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/109323> (дата обращения: 21.03.2020).

Насилие является распространенным явлением в различных сферах общественных отношений и проявляется на разных уровнях социальной организации: уровне государства, больших и малых социальных групп, а также на гендерном и межличностном уровнях. Важность исследования аттитюдов в отношении насилия обусловлена деструктивными психологическими и физическими последствиями его применения в межличностных и межгрупповых взаимоотношениях. Аттитюд в отношении насилия представляет собой оценочное суждение о какой-либо ситуации или объекте, которое выражается в определенной эмоциональной и поведенческой реакции, основанной на непосредственном восприятии стимула как насильственного (агрессивного) либо нейтрального (приемлемого), и зависящее от предыдущего опыта взаимодействия с ним³.

Тема изучения аттитюдов студентов к насилию является актуальной, поскольку представители этой возрастной группы относятся к наиболее активной и инициативной части современного общества. Поэтому представляет существенный научный интерес их установки к различным формам проявления насилия в общественных отношениях: войне, наказанию преступников, смертной казни и домашнему насилию. Особенно важным является изучение аттитюдов студентов в части семейных форм насилия – физического наказания детей и насилия в семье. Это обусловливается тем, что многие молодые люди в студенческие годы вступают в брак.

В целом же знание аттитюдов в отношении насилия современной молодежи открывает перспективы совершенствования некоторых сторон государственной и социальной политики, направленных на формирование установок миролюбия, милосердия и ненасильственного взаимодействия в семье.

Таким образом, целью статьи является определение силы насильственных аттитюдов студентов в отношении военного насилия, наказания преступников, смертной казни, телесных наказаний детей и супружеского насилия.

Обзор литературы

Аттитюды в отношении насилия играют важную роль в широком разнообразии и вариативности агрессивных действий. Они выполняют медиаторную функцию при переводе враждебных чувств в агрессивные действия.

В. Ф. Велисер с коллегами выделили два вида насилия в зависимости от направленности аттитюдов в отношении насилия [2]. Институциональное насилие мотивировано аттитюдами к насилию в безличных институциональных ситуациях (прежде всего война и наказание преступников). Оно предполагает получение инструментальной выгоды в виде контроля или доминирования над другими людьми, расцененных как угроза общественному строю. Существующие политические и социокультурные ценности ориентированы на оправдание применения насилия для выгоды общества. Межличностное насилие мотивировано аттитюдами к насилию в социальных или личностных ситуациях [2]. Оно предполагает типично диадные ситуации и прежде всего близкие отношения (супружеские, родительско-детские и др.).

Военное насилие – это крайняя форма политического насилия, заключающаяся в принуждении или уничтожении объекта для достижения политических, экономических, идеологических или правовых целей, путем применения или угрозы применения военной силы⁴.

В зависимости от цели выделяют следующие виды военной агрессии [3; 4]:

1) сдерживающая внешняя – военная политика государства, направленная на

³ Фурманов И. А., Апанович М. В. Аттитюды к проявлению насилия в социальных отношениях: разработка опросника насильственных установок // Психологические проблемы агрессии в социальных отношениях / И. А. Фурманов [и др.]. Брест: БрГУ, 2014. С. 146–157. URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/109323> (дата обращения: 20.03.2020).

⁴ Межидова Т. У. Военное насилие как фактор международной жизни: дис. ... канд. полит. наук. М., 2002. 185 с. URL: <https://www.disserscat.com/content/voennoe-nasilie-kak-faktor-mezhdunarodnoi-zhizni> (дата обращения: 04.04.2020).

контроль и предотвращение нападения со стороны других государств;

2) внутренне направленная – военная политика одного государства, ориентированная на поддержание и сохранение существующей власти в другом государстве либо на содействие оппозиционной власти и смену правительства;

3) гуманитарное вмешательство – внешняя политика государства, направленная на оказание гуманитарной помощи населению какой-либо страны посредством использования военной силы.

В исследованиях Р. К. Эйхенберга выявлено, что в обществе с большей вероятностью возникнут положительные установки в отношении первого и третьего вида военной агрессии, поскольку они являются легитимными в международном праве. Автор отмечает, что даже при наличии жертв среди мирного населения успешные военные операции имеют высокий уровень поддержки в обществе [3].

Э. С. Дюпюи, Э. С. Кон считают, что гендер выступает значимым прогностическим показателем военных установок. В частности, было определено, что мужчины, в отличие от женщин, положительно относятся к войне, уверены в ее этичности [5].

Н. Ван дер Линден, К. Лейс, О. Кляйн, П. Буша, К. А. Андерсон, А. Дж. Бенджамин, Ф. К. Вуд, А. М. Боначчи получили схожие результаты [6–9]. Кросс-культурные исследования также подтвердили выводы о том, что мужчины стабильно чаще, чем женщины, оправдывали необходимость военных действий [10].

Корреляционные исследования связи гендера и военных установок как возможных объяснений войны и гонки ядерных вооружений показали, что маскулинность была значимо связана только с одной военной установкой – негативным отношением к использованию военных ограничений, а феминность, напротив, с двумя: поддержкой ограничений вооружений и ядерного оружия [11].

Наказание преступников по сути является легитимной формой насилия над индивидом, признанным виновным в совершении преступления. Квалифицировать наказание преступников как насилие

позволяет применение к наказываемому карательных действий, сопряженных с принуждением, причинением ущерба и страдания, угрозой ограничений и социальной изоляции, лишения жизни. Однако следует учитывать, что и сам преступник, совершая противоправные действия, прибегает к прямому или косвенному насилию в отношении жертвы. Поэтому фактически в сознании большинства людей и общественных отношениях сосуществуют два вида карательных органов: институциональный суд, руководствующийся при наказании преступника правовыми нормами и законами, и «народный суд», часто функционирующий с опорой на принцип «око за око, зуб за зуб». При этом суровость наказания в первом случае определяется мерами соответствующих законодательных актов (кодексов), а во втором – собственными представлениями индивидов (жертв или их родственников) о справедливости и размерах реституции за причиненные ущерб и страдания. В связи с этим названные две позиции могут существенно различаться.

Смертная казнь является крайней и, пожалуй, наиболее обсуждаемой в обществе, институциональной формой насилия. Как отмечает В. Е. Квашиш, «смертная казнь часто определяется не только как инструмент уголовной политики, но и как социокультурный феномен. Отношение к этой мере наказания – вопрос нравственной доминанты каждого человека; отношение к ней общества – индикатор господствующих в нем нравственных устоев и умонастроений, показатель того, насколько оно прониклось идеями справедливости, гуманизма и цивилизованности» [12].

Зачастую положительное мнение о смертной казни сформировано за счет ошибочного убеждения в ее эффективности. Вместе с тем большинство исследований не подтвердило превентивную значимость этой меры наказания – ни ее применение, ни ее отмена не оказывают какого-либо ощутимого воздействия на динамику тяжких преступлений. Психологи и психиатры убедительно доказали, что для обыденного сознания отдаленная во времени потен-

циальная возможность смертной казни не является смыслообразующей и лишена реальной побудительной силы, что психологически механизмы защиты устроены так, чтобы не допускать в сознание неблагоприятную информацию, и тем самым они нейтрализуют страх перед наказанием. Исследование многолетней практики применения смертной казни в разных странах убедительно свидетельствует о том, что применение казней только увеличивает масштабы насилия в обществе, ужесточают нравы, снижая допустимый порог жестокости, обесценивают не только чужую, но и собственную жизни [13].

Анализ литературы показал, что результаты изучения аттитудов в отношении наказания преступников и применения смертной казни весьма противоречивы, особенно в плане гендерных различий. Было выявлено, что мужчины, по сравнению с женщинами, имели более позитивные установки относительно наказания и насилия, предусмотренного уголовным кодексом [7; 8; 14]. В исследовании Е. Дж. Ламберта было выявлено, что студенты-юноши чаще поддерживали применение смертной казни, чем девушки [15]. Схожие результаты демонстрируют и некоторые кросс-культурные исследования, однако, отмечается, что в вопросах поддержки смертной казни, было больше аболиционистов (сторонников отмены) среди женщин⁵.

Вместе с тем в целом ряде исследований не обнаружено подтверждений гипотезы, что мужчины будут иметь более негативные установки к высшей мере наказания, чем женщины. Позиции мужчин и женщин не различались относительно поддержки высшей меры наказания⁶ [16]; значит и гендер не является значимым предиктором поддержки карательного наказания [17].

Насилие в межличностных отношениях проявляется на различных уровнях организации взаимодействия между людьми, однако, наиболее часто встречается в семейных отношениях. Как показывает целый ряд исследований главным образом это родительско-детское и супружеское насилие⁷ [18–20].

Дисциплина является одной из основных характеристик контроля родителей над поведением ребенка. В литературе рассматриваются различные основания для выделения и описания видов дисциплинирования детей. В частности, предлагается разделять дисциплину на индуктивную (ненасильственную, ориентированную на побуждение ребенка) и принудительную (насилиственную, ориентированную на использование силы и власти родителем). Главная особенность индуктивной дисциплины состоит в том, что она устремлена на научение ребенка навыкам распознавания плохих и хороших поступков в собственном и других людей поведении и основывается на уважении, авторитете, демонстрации образца поведения взрослым. Принудительная дисциплина сосредоточена на наказаниях, включающих физическую и психологическую агрессию (битье, оскорбления, лишение привилегий и др.) [18].

Большинство родителей имеют собственную систему представлений о том, каким должно быть поведение ребенка. Поэтому нарушение ребенком дисциплины, когда его поведение способствует возникновению у родителя состояния диссонанса, как правило, приводит к родительско-детскому конфликту. Состояние консонанса достигается действиями родителя, направленными на исправление проступка ребенка. Вместе с тем, как показывают многочисленные исследования,

⁵ *Ambrosio C. V.* Attitudes towards the Death Penalty: A Cross-Cultural Investigation. Dissertations Masters Degrees (Psychology). Bloemfontein, South Africa, 2005. 77 p. URL: <http://scholar.ufs.ac.za:8080/xmlui/bitstream/handle/11660/675/AmbrosioCV.pdf;jsessionid=2E21A5B20D4728E472CB064CA84ECD8B?sequence=1> (дата обращения: 01.04.2020).

⁶ *Lester D.* The Death Penalty: Issues and answers. Illinois: Charles C. Thomas, 1998. 165 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/328538831_The_death_penalty_issues_and_answers_2nd_Edition (дата обращения: 01.04.2020).

⁷ *Фурманов И. А.* Агрессия и насилие: диагностика, профилактика и коррекция. СПб.: Речь, 2007. 480 с.

тактики разрешения родительско-детского конфликта в сфере воспитания существенно различаются в зависимости от пола ребенка и самого родителя. В частности отмечается, что в целом матери чаще отцов применяют дисциплинарные воздействия в отношении детей, поскольку проводят с ними больше времени. Матери и отцы также имеют тенденцию использовать различные методы дисциплины. Например, было установлено, что отцы чаще использовали принудительные тактики, чем матери, в то время как матери чаще отцов прибегают к индуктивной дисциплине [19].

Телесные наказания изучались психологами чаще, чем другие формы дисциплины. Научные публикации по данной тематике представляют противоречивые данные относительно применения отцами телесных наказаний. Мнения ученых разделились: одни считают, что матери и отцы в одинаковой степени отдают предпочтение использованию различных форм телесных наказаний, другие утверждают, что отцы в большей мере склонны к использованию физического сдерживания, чем матери. Еще одной категорией исследователей было установлено, что наиболее распространенными видами разрешения родительско-детского конфликта матерями являются дисциплинирование и психологическая агрессия, а отцами – дисциплинирование и телесные наказания. В целом же матери больше ориентированы на использование ненасильственных методов, а отцы – на силовые методы разрешения родительско-детского конфликта вне зависимости от пола ребенка [19; 20].

Вероятно, указанные действия являются следствием соответствующих установок. Например, С. А. Андерсон с коллегами выявили, что у мужчин более благоприятные установки к телесным наказаниям детей [7]. Кросс-культурное исследование, проведенное среди студентов, зафиксировало, что соглашение с наказанием детей было значительно выше среди мужчин, чем среди женщин [10]. Дж. Л. Крауч

и Л. Е. Бел установили, что уровень воспитательного стресса был положительно «связан с потенциалом физически жестокого обращения с детьми, но только среди родителей, которые имели высокий уровень убеждений в ценности телесных наказаний» [21].

Исследования показывают, что применение физических наказаний как способа дисциплинирования детей связано с частотой насилия над женами в семье⁸. Основной характеристикой супружеского насилия считается регулярность, с которой оно проявляется в различных семейных ситуациях. Насильственные действия по отношению к супругу – это нередко прямое или не прямое проявление агрессии. Как правило, это привычный способ разрешения конфликтов⁹.

Также остается спорным вопрос о том, следует ли рассматривать женщин преимущественно как жертв супружеского насилия или они сами демонстрируют агрессивное поведение. В одних публикациях указывается, что во взаимно насильственных действиях супругов в 54 % случаев главными виновниками были мужчины, в 11 – женщины, а в 35 % случаях насилие было симметричным [22], в других – различия в интенсивности супружеского насилия у мужчин и женщин были не столь значительны. Однако они отличались формой насилия и тяжестью последствий его применения. Жены чаще оказываются физически травмированы, ранены или убиты в результате насильственных действий мужей. Это, по-видимому, связано с большей физической силой и готовностью мужчин использовать более серьезные формы агрессии [23; 24].

Существует целый ряд исследований, доказывающих, что вероятность насилия выше, если взаимоотношения базируются на патриархальных установках и разделении ролей, при котором мужчина занимает главенствующее положение и обладает над женщиной физической и материальной властью и верховенством в принятии решений, а также если на-

⁸ Там же.

⁹ Крэйхи Б. Социальная психология агрессии. СПб.: Питер, 2003. 336 с.

силе рассматривается как приемлемая в отношении женщин модель поведения. Как показывают исследования, мужчины отличаются от женщин более благоприятными аттитюдами к насилию в близких партнерских отношениях [7; 9].

Ф. Е. Марковиц отмечает, что насилие, пережитое в детском возрасте, связано с аттитюдами к применению насилия в отношении супругов, а также с частотой насилия в отношении детей и супругов [24]. Гипотеза о том, что аттитюды являются медиаторами связи между детским и взрослым насилием, нашла свое подтверждение. Это свидетельствует о том, что дети, которые подвергаются насилию, применяют его в своих более поздних супружеских отношениях, потому что они приобретают определенные способствующие насилию установки.

Анализ литературы показывает, что в качестве предикторов аттитюдов в отношении насилия, наряду с гендером, рассматриваются в основном социокультурные факторы (раса, вероисповедание, экономическое состояние и пр.). Личностные факторы упоминаются крайне скупо, хотя существуют убедительные данные о фасилитирующей роли агрессивности и ингибирующей роли эмпатии в формировании и реализации насильственных аттитюдов в поведении.

Некоторые исследователи рассматривают благоприятные аттитюды к насилию как часть агрессивного синдрома личности. Например, мужчины, применяющие физическую силу по отношению к своим женским партнерам, могут не быть склонными к агрессии против женщин, а на самом деле иметь более высокие показатели общей агрессии, чем ненасильственные мужчины [25].

В ряде исследований Б. А. Голт и Дж. Сабини выявили устойчивые гендерные различия в установках к наказанию, которые определялись гендерными отличиями в эмпатии [26]. Женщины имели более слабые карательные уста-

новки, чем мужчины, поскольку были эмпатичными. Дж. Д. Анневер с соавторами показывают, что сочувствующие, прощающие и сострадательные люди с меньшей вероятностью поддержат смертную казнь [27].

Проведенный анализ научных публикаций по рассматриваемой проблематике показал, что все предыдущие исследования насильственных аттитюдов среди студентов носят локальный характер и не дают целостного представления об отношении молодежи к насилию. В данной статье впервые изучаются гендерные различия в насильственных аттитюдах, а также проблема личностной детерминации насильственных аттитюдов.

В связи со всем вышеизложенным, нами была предпринята попытка решения двух эмпирических задач: выявить гендерные различия в аттитюдах студентов в отношении насилия; установить взаимосвязь агрессии и эмпатии как личностных черт и аттитюдов в отношении насилия.

Материалы и методы

Для определения аттитюдов в отношении насилия применялся «Опросник насильственных установок», разработанный И. А. Фурмановым, М. В. Апанович¹⁰. В исследовании использовались следующие шкалы: военное насилие, наказание преступников, смертная казнь, телесные наказания детей, супружеское насилие. Каждое утверждение оценивалось от 1 до 7 баллов, где 1 – абсолютное несогласие, 7 – абсолютное согласие с утверждением.

В качестве дополнительных диагностических методик использовались:

– «Опросник агрессивности» (AQ) А. Басса и М. Перри, адаптированный И. А. Фурмановым¹¹ и включающий четыре шкалы: физическая и вербальная агрессивность, гнев, враждебность. Оценка утверждений опросника производилась по семибалльной шкале: от 1 – абсолютно не характерно для меня до 7 – абсолютно характерно для меня.

¹⁰ Фурманов И. А., Апанович М. В. Аттитюды к проявлению насилия в социальных отношениях: разработка опросника насильственных установок.

¹¹ Фурманов И. А. Агрессия и насилие: диагностика, профилактика и коррекция.

– Опросник «Межличностный индекс реактивности» (IRI) М. Дэвиса, адаптированный Т. Д. Карягиной и Н. В. Кухтовой [28] и содержащий четыре шкалы: децентрация, сопереживание, эмпатическая забота, личный дистресс. Каждое утверждение опросника оценивалось шкалой от 1 – «полностью не согласен» до 5 – «полностью согласен».

В исследовании приняли участие студенты I–IV курсов различных белорусских вузов (731 чел. – из них 377 мужчин, 354 женщины). Средний возраст $17,69 \pm 2,03$.

При статистической обработке использовались Т-критерий Стьюдента для сравнения двух независимых выборок, корреляционный анализ по Пирсону, многомерный ковариационный анализ (MANOVA).

Результаты исследования

В результате сравнительного анализа было установлено, что женщины имеют статистически более высокие показатели аттитюдов в отношении войны и наказания преступников, чем мужчины (соответственно $M = 3,87$, $SD = 0,93$ против $M = 3,67$, $SD = 0,98$, $p = 0,01$ и $M = 4,20$,

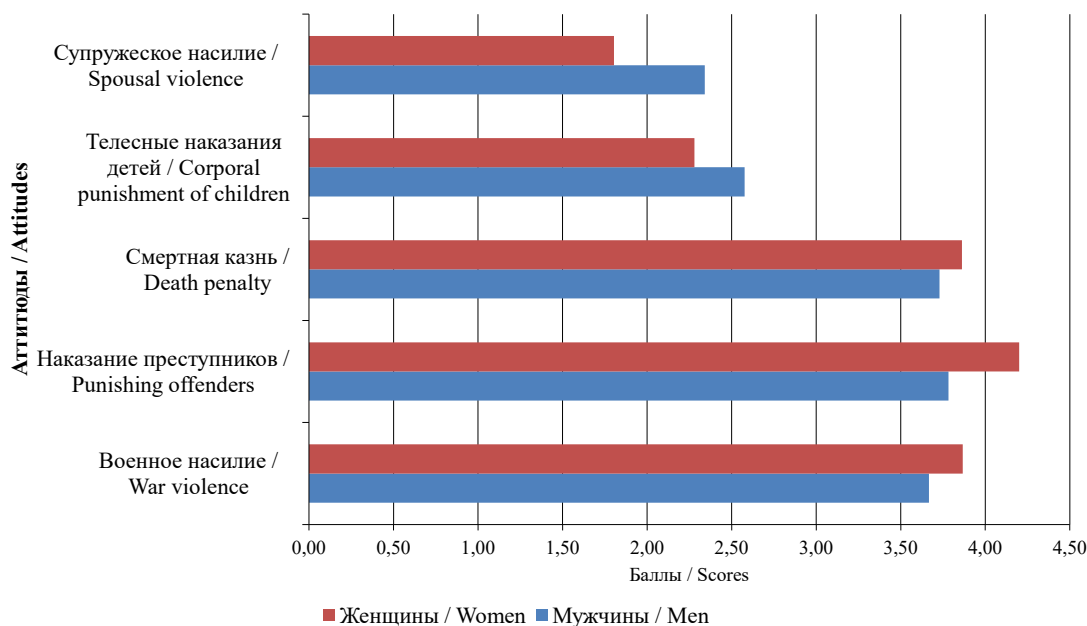
$SD = 1,04$ против $M = 3,78$, $SD = 1,02$, $p < 0,0001$) (рис. 1).

У мужчин оказались более выраженные показатели аттитюдов в отношении телесных наказаний детей и супружеского насилия (соответственно $M = 2,58$, $SD = 1,15$ против $M = 2,28$, $SD = 1,10$, $p = 0,001$ и $M = 2,34$, $SD = 0,92$ против $M = 1,80$, $SD = 0,72$, $p < 0,0001$). Аттитюды мужчин и женщин в отношении применения смертной казни статистически не различаются (соответственно $M = 3,73$, $SD = 1,10$ против $M = 3,86$, $SD = 1,23$, $p = 0,155$).

Корреляционный анализ позволил выявить взаимосвязи показателей агрессивности и эмпатии с насильственными аттитюдами женщин (рис. 2):

– физическая агрессивность – с установками супружеского ($r = 0,42$, $p \leq 0,001$) и военного ($r = 0,32$, $p \leq 0,001$) насилия, телесных наказаний детей ($r = 0,33$, $p \leq 0,001$), смертной казни ($r = 0,24$, $p \leq 0,001$), наказания преступников ($r = 0,20$, $p \leq 0,001$);

– вербальная агрессивность – с установками военного насилия ($r = 0,22$, $p \leq 0,001$), наказания преступников ($r = 0,16$, $p = 0,007$),

Р и с. 1. Гендерные различия в аттитюдах в отношении насилия

F i g. 1. Gender differences in attitudes toward violence

смертной казни ($r = 0,13, p = 0,026$), супружеского насилия ($r = 0,11, p = 0,047$);

– гнев – с установками супружеского ($r = 0,24, p \leq 0,001$) и военного ($r = 0,17, p = 0,002$) насилия, смертной казни ($r = 0,15, p = 0,01$), телесных наказаний детей ($r = 0,15, p = 0,012$), наказания преступников ($r = 0,13, p = 0,027$);

– враждебность – с установками супружеского ($r = 0,28, p \leq 0,001$) и военного ($r = 0,23, p \leq 0,001$) насилия, телесных наказаний детей ($r = 0,20, p = 0,001$), наказания преступников ($r = 0,17, p = 0,004$), смертной казни ($r = 0,12, p = 0,05$);

– эмпатическая забота – с установками военного ($r = -0,29, p \leq 0,001$) и супружеского ($r = -0,27, p \leq 0,001$) насилия, смертной казни ($r = -0,20, p = 0,008$), телесных наказаний детей ($r = -0,17, p = 0,022$);

– личный дистресс – с установками военного насилия ($r = -0,19, p = 0,015$).

Проведение ковариационного анализа показало, что лишь некоторые характеристики агрессивности и эмпатии женщин оказывают значимое влияние на их аттитуды в отношении насилия:

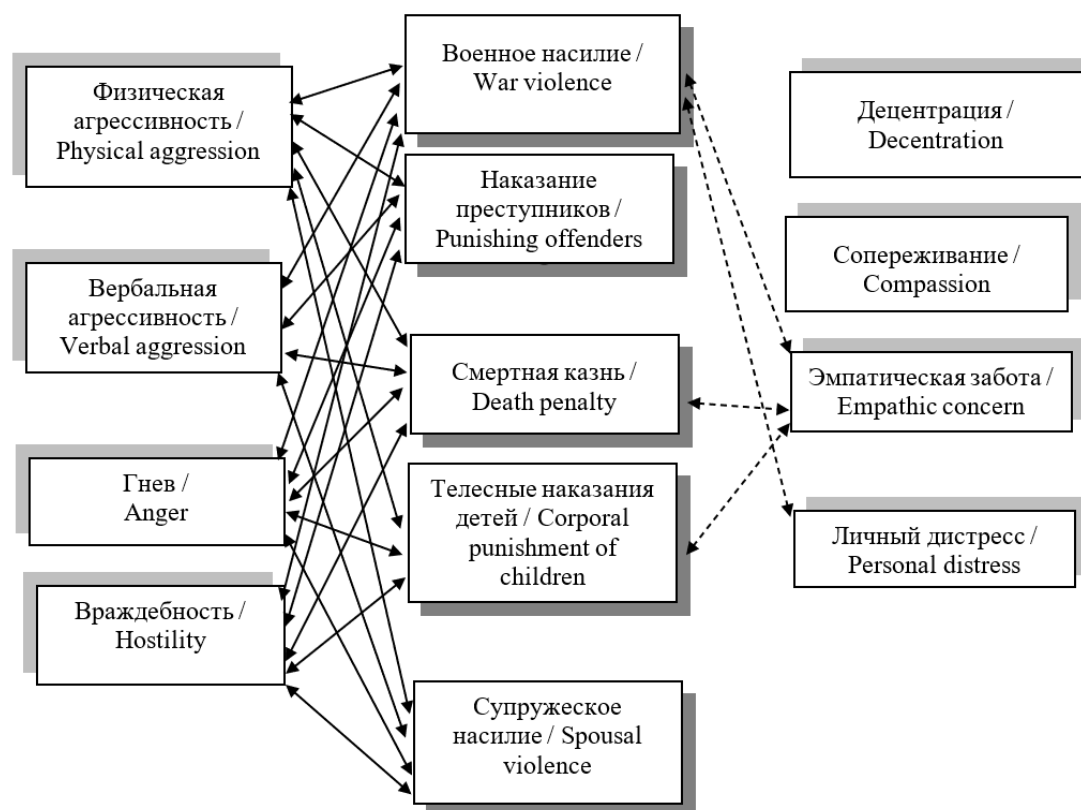
– военное насилие – физическая агрессивность ($F = 21,658, p \leq 0,001$), гнев ($F = 7,629, p = 0,006$), враждебность ($F = 9,499, p = 0,002$);

– наказание преступников – вербальная агрессивность ($F = 4,091, p = 0,044$);

– смертная казнь – физическая агрессивность ($F = 10,455, p = 0,001$);

– телесные наказания детей – физическая агрессивность ($F = 31,783, p \leq 0,001$), враждебность ($F = 6,781, p = 0,010$);

– супружеское насилие – физическая ($F = 66,493, p \leq 0,001$) и вербальная ($F = 5,893, p = 0,016$) агрессивность, враждебность ($F = 11,159, p = 0,001$), личный дистресс ($F = 6,210, p = 0,013$).

Р и с. 2. Взаимосвязь агрессивности и эмпатии женщин с аттитудами в отношении насилия

F i g. 2. The relationship of women's aggression and empathy with attitudes towards violence

Корреляционный анализ позволил выявить взаимосвязи показателей агрессивности и эмпатии с насильственными аттитюдами мужчин (рис. 3):

– физическая агрессивность – с установками супружеского ($r = 0,38, p \leq 0,001$) и военного ($r = 0,30, p \leq 0,001$) насилия, телесных наказаний детей ($r = 0,25, p \leq 0,001$), смертной казни ($r = 0,19, p = 0,001$), наказания преступников ($r = 0,18, p = 0,001$);

– вербальная агрессивность – с установками смертной казни ($r = 0,22, p \leq 0,001$), наказания преступников ($r = 0,20, p \leq 0,001$), военного насилия ($r = 0,19, p = 0,001$), телесных наказаний детей ($r = 0,12, p = 0,025$);

– гнев – с установками супружеского ($r = 0,29, p \leq 0,001$) и военного ($r = 0,11, p = 0,041$) насилия, телесных наказаний детей ($r = 0,22, p \leq 0,001$);

– враждебность – с установками супружеского ($r = 0,32, p \leq 0,001$) и военного ($r = 0,26, p \leq 0,001$) насилия, телесных наказаний детей ($r = 0,28, p \leq 0,001$), наказания преступников ($r = 0,19, p = 0,001$);

– децентрация – с установками супружеского насилия ($r = -0,19, p = 0,003$);

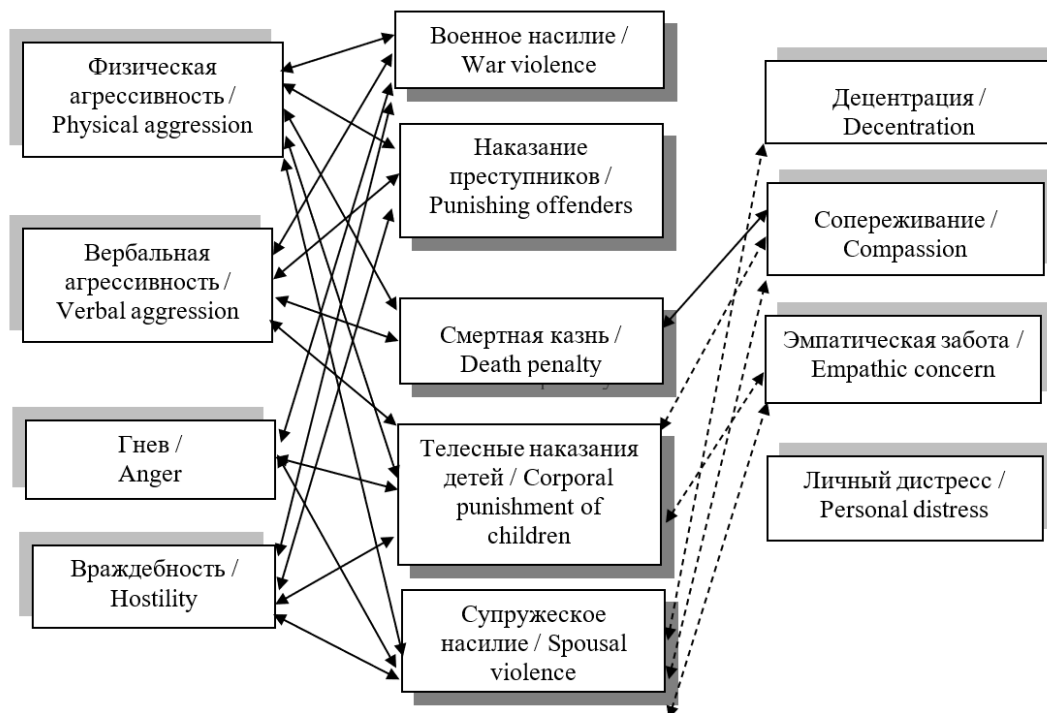
– сопереживание – с установками смертной казни ($r = 0,17, p = 0,008$), телесных наказаний детей ($r = -0,13,28, p = 0,044$), супружеского насилия ($r = -0,22, p = 0,001$);

– эмпатическая забота – с установками супружеского насилия ($r = -0,25, p \leq 0,001$), телесных наказаний детей ($r = -0,24, p \leq 0,001$).

Однако результаты ковариационного анализа показали, что лишь некоторые характеристики агрессивности и эмпатии мужчин оказывают достоверное влияние на аттитюды в отношении насилия:

– военное насилие – физическая ($F = 29,653, p \leq 0,001$) и вербальная ($F = 4,433, p = 0,036$) агрессивность, гнев ($F = 8,787, p = 0,003$), враждебность ($F = 10,096, p = 0,002$);

– наказание преступников – физическая ($F = 9,845, p = 0,002$) и вербальная ($F = 5,403, p = 0,021$) агрессивность, гнев ($F = 5,692, p = 0,018$), враждебность ($F = 6,812, p = 0,009$);

Р и с. 3. Взаимосвязь агрессивности и эмпатии мужчин с аттитюдами в отношении насилия

F i g. 3. The relationship of men's aggression and empathy with attitudes towards violence

– смертная казнь – физическая ($F = 10,103, p = 0,002$) и вербальная ($F = 11,298, p = 0,001$) агрессивность, децентрация ($F = 3,879, p = 0,05$), сопереживание ($F = 7,315, p = 0,007$);

– телесные наказания детей – физическая агрессивность ($F = 11,429, p = 0,001$), враждебность ($F = 7,934, p = 0,005$), эмпатическая забота ($F = 6,113, p = 0,014$);

– супружеское насилие – физическая агрессивность ($F = 22,379, p \leq 0,001$), враждебность ($F = 11,706, p = 0,001$), сопереживание ($F = 5,334, p = 0,022$), эмпатическая забота ($F = 8,246, p = 0,004$).

Таким образом в результате проведенного исследования было установлено, что:

1. Сила насильственных установок студентов-девушек в отношении войны и наказания преступников значимо выше, чем у студентов-юношей. В свою очередь юноши отличаются более сильными аттитюдами в отношении телесных наказаний детей и супружеского насилия.

2. Показатели физической и вербальной агрессивности, гнева, враждебности положительно связаны, а показатели децентрации, сопереживания, эмпатической заботы и личного дистресса отрицательно связаны с различными насильственными аттитюдами.

3. Физическая агрессивность и враждебность статистически значимо влияют на силу большинства насильственных установок независимо от пола. Эмпатические характеристики личности студентов вариативно влияют на насильственные установки студентов в зависимости от пола.

Обсуждение и заключение

Исходя из полученных данных, можно заключить, что женщины одобрительно относятся к таким идеям, как:

1. Оправданность войны в оборонительных целях. Они убеждены в том, что:

- каждая страна должна иметь постоянную боеспособную армию, военную промышленность для производства оружия;

- война в целях обороны своей страны является справедливой; любая страна имеет право на вооруженную защиту своих границ, поэтому применение воен-

ной силы в отношении противника должно быть неотъемлемой частью оборонной политики любой страны;

- в случае общественных беспорядков правительство может использовать вооруженную милицию и солдат для пресечения массовых беспорядков и сдерживания насилия.

2. Суровость наказания преступников. Они уверены в том, что:

- насильственные преступления должны быть жестоко наказаны, поскольку люди могут воздерживаться от проявлений насилия, если будут уверены в неотвратимости последующего наказания;

- угроза серьезного наказания или высшей меры наказания – единственная мера, способная предотвратить проявления насилия и снизить численность насильственных преступлений;

- хорошее поведение – не повод для освобождения преступников из тюремного заключения, поскольку лишение свободы оказывается поучительным примером, способным «отбить охоту» у других людей проявлять агрессию.

Женщины рассматривают военные действия и преступления с точки зрения жертвы и эмоциональных переживаний, связанных с этими событиями. Их позиция может быть обусловлена женским страхом как результатом большей женской чувствительности к потерям, детерминирующим сильную мотивацию избегания.

Страх способствует активации реакций, которые максимизируют вероятность выживания. Чрезмерный страх вызывает поведенческое торможение: сдерживающие связи позволяют антиципирующей активности в системе страха подавлять реакции приближения, которые могли бы привести организм во вредоносную ситуацию. Кросс-культурные исследования показывают, что в период взрослости женщины испытывают страх чаще и сильнее, чем мужчины. В ответ на физически угрожающие ситуации женщины демонстрируют большую физиологическую защитную реактивность, включая изменения в проводимости кожи, сердечном ритме, рефлекторной модуляции и лицевой экспрессии [29].

Дж. Л. Вуд и Г. Т. Вики отмечали, что аттитюды могут выполнять инструментальную функцию – помогать людям в упорядочивании их социальной среды, позволяя максимизировать вознаграждения и избегать негативных последствий [30]. В качестве примера они приводят инструментальные установки людей, имеющих карательную направленность из-за страха относительно преступления. Такие люди мотивированы избежать негативных последствий (виктимизации), одобряя лишение свободы преступников. Если наказание и изоляцию преступников использовать достаточно широко, то это должно уменьшить число преступников в целом, что будет способствовать снижению ощущения угрозы у тревожащихся индивидов.

Кроме того, жертвы могут получить повреждение или быть убитыми, что препятствует выживанию женщин и их способности к репродукции. С точки зрения эволюционной психологии женщины как правило заботятся о потомстве, поэтому их реакции на угрозу предполагают защиту потомства и самих себя¹².

Материнская опека приводит к отбору таких реакций на стресс, которые не подвергают опасности здоровье матери и ее потомства и максимизируют вероятность их выживания [18]. «Охрана», стратегия защиты (забота о потомстве, интеграция с окружающей средой) эффективны для противостояния широкому спектру угроз [31].

Мужчины, в отличие от женщин, одобряют такие идеи, как:

1. Телесные наказания – средство социализации ребенка. Они убеждены в том, что:

– любые правонарушения и серьезные проступки детей, постоянное непослушание ребенка, его вспыльчивость и дерзость должны быть физически наказаны;

– физическое наказание ребенка, когда он этого заслуживает, послужит ему уроком, сделает его в будущем более ответственным и зрелым.

2. Допустимость супружеского насилия, если ему есть оправдание. Они придерживаются позиции, что:

– позволительно ударить супругу, если она флиртует с кем-то другим или за измену;

– применение физической силы возможно при конфликтах, оскорблениях и насмешках;

– семейный статус необходимо утверждать и поддерживать с помощью насилия.

Результаты относительно склонности отцов более позитивно оценивать необходимость детских телесных наказаний хорошо согласуются с ранее проведенными исследованиями родительского поведения при разрешении родительско-детского конфликта. В частности, было установлено, что, во-первых, отцовское поведение при разрешении родительско-детского конфликта оказывает большее влияние на материнские тактики воспитательного воздействия на ребенка, что подчеркивает значимость отца как фигуры, определяющей модальность (насильственность/ненасильственность) стиля воспитания ребенка в семье [18]. Во-вторых, матери больше ориентированы на использование ненасильственных методов, а отцы – на силовые методы разрешения родительско-детского конфликта вне зависимости от пола ребенка [19]. В-третьих, более жестокое обращение с ребенком является отличительной особенностью именно отцовского поведения [19].

Кроме того, многие исследования показывают, что родители используют насильственные меры воспитательного воздействия полагая, что это полезная дисциплинарная техника для того, чтобы научить ребенка правильному поведению. Поэтому фактически главной причиной применения родителями телесных наказаний являются непослушание и неповиновение детей. Родители, часто подвергавшиеся в детстве наказаниям, высказались за одобрение такого вида дисциплинарной практики. С другой стороны, чем больше в детстве они чувствовали себя в ситуации

¹² Buss D. M., Duntley J. D. The Evolution of Aggression // In Evolution and Social Psychology / M. Schaller, J. A. Simpson, D. T. Kenrick (eds.). New York: Psychosocial Press, 2006. Pp. 263–285. URL: <https://labs.la.utexas.edu/buss/files/2015/09/evolutionofaggression2006.pdf> (дата обращения: 16.03.2020).

угрозы или были униженными их родителями и чем чаще они сообщали о серьезном физическом насилии в их отношении, тем меньше выступали за телесные наказания. Чем сильнее родители были убеждены, что телесные наказания физически не опасны, тем больше они выступали за их использование при дисциплинировании детей. Считается, что фактически этот фактор является лучшим прогнозным показателем установок к телесным наказаниям.

Таким образом, взрослые, которых часто физически наказывали в детстве, кто не подвергался угрозам, оскорблениям или высмеиваниям со стороны их родителей, и кто думал, что телесные наказания вряд ли вызовут физические повреждения, выступают за использование насильственных методов дисциплинирования детей. Эти индивиды могут сохранить принудительную идеологию воспитания детей и, став родителями, быть источником опасности, прибегая к телесным наказаниям и жесткой дисциплине. Следовательно, они могут способствовать межпоколенной эстафете насилия и в последующем провоцировать молодежные проблемы поведения и приводить к формированию асоциальных и агрессивных черт личности¹³.

Более выраженные супружеские насильственные аттитюды у мужчин, вероятно, функционируют для сохранения и повышения статуса или укрепления власти в рамках существующей (или потенциальной) семейной иерархии.

Эволюционные психологи считают, что агрессия в отношении близкого партнера совершается прежде всего мужчинами. Это утверждение основывается на том, что мужчины могут быть «рогоносцами», а женщины – никогда. Мужская агрессия в отношении близкого партнера – это часть так называемой «проблемно-ориентированной мужской психологии», модели адаптации, предотвращающей положение «рогоносца», которая поддерживается нормами патриархального общества¹⁴ [29].

Некоторые авторы утверждали, что мужская ревность, по сравнению с жен-

ской, более сосредоточена на сексуальных элементах измены и сопутствующей ей угрозы оказаться в положении «рогоносца», в то время как женская ревность более чувствительна к стимулам эмоциональной заброшенности и возможной потере ресурсов. Как показывают исследования И. А. Фурманова, мужчины более вероятно, чем женщины, будут демонстрировать опасные, сексуально агрессивные и собственнические действия [32]. Собственническая ревность предполагает конкретные действия, предназначенные предотвратить контакт партнера с третьим лицом (даже в ответ на вероятную его неверность). В подтверждение этого было определено, что мужчины в ситуации провокации ревности чаще, чем женщины, предпринимают действия, позволяющие контролировать поведение партнеров и ограничить их доступ к конкурентам (проверяют звонки, SMS-сообщения на телефоне и местонахождение партнера, устраивают проверку, слежку, часто звонят партнеру и пр.), а также вступают в активную коммуникацию с конкурентом, совершают попытки противостоять сопернику (угрожают, оказывают сопротивление конкуренту) [32].

Существенным фактом, установленным в результате проведенного исследования, является то, что такие личностные черты, как физическая агрессивность и враждебность независимо от пола выступают значимыми факторами, влияющими на силу практически всех насильственных установок.

Полученные данные отчасти согласуются с результатами ранее проведенных исследований [2], в которых показатели склонности к физической агрессии значимо положительно коррелировали с оценками установок в отношении войны, наказания преступников и телесных наказаний детей, а показатели враждебности – только с телесными наказаниями детей.

Кроме того, было выявлено, что такие характеристики эмпатии, как эмпатическая забота у женщин и эмпатическая забота и сопереживание у мужчин отри-

¹³ Фурманов И. А. Социальная психология агрессии и насилия: профилактика и коррекция.

¹⁴ Buss D. M., Duntley J. D. The Evolution of Aggression.

цательно связаны с установками телесного наказания детей и супружеского насилия. Это позволило выдвинуть гипотезу о том, что способность испытывать теплоту и симпатию к чьим-либо чувствам, сострадание к людям, а также заражаться эмоциями другого человека и отождествляться с ним, вовлекаться в его переживание (у мужчин) будет выступать ингибитором установок телесного наказания детей и супружеского насилия. Однако данная гипотеза подтвердилась только для мужчин. Возможно, это связано с тем, что женщины и так имеют более слабые карательные установки в межличностных отношениях, чем мужчины, потому являются более эмпатичными [26]. Таким образом, чем меньше мужчины испытывают эмпатической заботы и сопереживания к детям и супруге, тем выше вероятность совершения насильственных действий в отношении них.

Представляют также интерес данные отрицательной корреляции таких характеристик эмпатии женщин, как эмоциональная забота с установками военного насилия и смертной казни, а также личного дистресса с установками военного насилия. Это может свидетельствовать, что, возможно, женщины, склонные испытывать теплоту, симпатию, сострадание и беспокойство о других людях (вероятных жертвах), будут более негативно относиться к войне и смертной казни.

В литературе отмечается, что у эмпатических индивидов есть способность преобразовывать дистресс другого индивида в свой собственный [27]. Эта реакция на страдание других включает развитые навыки ролевого принятия, т. е. попытки одного индивида понять другого, представляя его перспективы. Принимая роль другого, эмпатичные индивиды проявляют реактивные и параллельные аффективные реакции в ответ на страдания других. Таким образом, эмпатичные индивиды эмоционально отвечают на страдания других, проявляя параллельные эмоциональные эмоции (дистресс дистресса) или реактивные реакции, когда они возмущены страданием определенного ин-

дивида. Конечный результат эмоциональной или когнитивной идентификации со страданием других состоит в том, что у эмпатичных индивидов возникает желание участвовать в подвижном эгоизмом помогающем поведении и в действительно альтруистическом поведении [33].

Эмпатичные индивиды с развитыми способностями ролевого принятия в состоянии идентифицировать себя с перспективами других, испытывающих дистресс. В этой ситуации представляется вероятным, что люди с высокими показателями эмпатии будут чаще выступать против войны, потому что признают, что эта санкция вызывает чрезмерный дистресс и страдание, которых можно было бы избежать с помощью других действий. Иными словами, эмпатичные индивиды предвидят или сочувствуют сильным страданиям и дистрессу беспомощных жертв войны, особенно женщин и детей.

Парадоксальным на первый взгляд выглядит положительная корреляция показателей сопереживания у мужчин и позитивного отношения к применению смертной казни. Однако высокие показатели сопереживания, в первую очередь, свидетельствуют о выраженной тенденции к воображаемому перенесению себя в чувства и действия другого человека – способность встать на место вымышленного персонажа и чувствовать настроение вымышленного персонажа [27]. Поэтому, возможно, у мужчин сопереживание к человеку, приговоренному к смертной казни, может выражаться таким своеобразным образом – лучше смертная казнь, чем мучительное пожизненное заключение. Смертную казнь они рассматривают как благо. Это предположение хорошо вписывается в известный конструкт эмпатической идентификации, т. е. способность испытывать сочувствие не ко всем, а в отношении определенных типов преступников [27].

Полученные результаты исследования демонстрируют актуальное состояние насильственных аттитюдов современной студенческой молодежи. Взаимосвязи аттитюдов в отношении насилия в различных сферах социальных отношений с такими

личностными чертами, как агрессивность и эмпатия позволяют разработать систему образовательных и воспитательных ресурсов, способствующих формированию у студентов миролюбивых и гуманитарных установок, готовности проявлять человеколюбие, милосердие, сострадание и сочув-

ствие, навыков ненасильственного взаимодействия в межличностных отношениях. Данная статья будет полезна преподавателям вузов, органам управления учреждениями высшего образования, ученым, исследующим проблемы агрессии и эмпатии у студенчества, и психологам.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Dahlberg, L. L. Violence a Global Public Health Problem / L. L. Dahlberg, E. G. Krug. – DOI 10.1590/S1413-81232006000200007 // *Ciência & Saúde Coletiva*. – 2006. – Vol. 11, no. 2. – Pp. 277–292. – URL: <https://www.scielo.br/pdf/csc/v11n2/30417.pdf> (дата обращения: 10.05.2020).
2. Velicer, W. F. A Measurement Model for Measuring Attitudes Towards Violence / W. F. Velicer, L. H. Huckel, C. E. Hanson. – DOI 10.1177/0146167289153006 // *Personality and Social Psychology Bulletin*. – 1989. – Vol. 15, issue 3. – Pp. 349–364. – URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0146167289153006> (дата обращения: 10.05.2020).
3. Eichenberg, R. C. Gender Differences in Public Attitudes Toward the Use of Force by the United States, 1990–2003 / R. C. Eichenberg. – DOI 10.1162/016228803322427992 // *International Security*. – 2003. – Vol. 28, issue 1. – Pp. 110–141. – URL: <https://www.mitpressjournals.org/doi/abs/10.1162/016228803322427992> (дата обращения: 10.05.2020).
4. Jentleson, B. W. Still Pretty Prudent: Post–Cold War American Public Opinion on the Use of Military Force / B. W. Jentleson. – DOI 10.1177/0022002798042004001 // *Journal of Conflict Resolution*. – 1998. – Vol. 42, issue 4. – Pp. 395–417. – URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0022002798042004001> (дата обращения: 10.05.2020).
5. Dupuis, E. C. A New Scale to Measure War Attitudes: Construction and Predictors / E. C. Dupuis, E. S. Cohn // *Journal of Psychological Arts and Sciences*. – 2011. – Vol. 14. – Pp. 6–15. – URL: https://scholars.unh.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1013&context=psych_facpub (дата обращения: 04.04.2020).
6. Are Attitudes Toward Peace and War the Two Sides of the Same Coin? Evidence to the Contrary from a French Validation of the Attitudes Toward Peace and War Scale / N. Van der Linden, C. Leys, O. Klein, P. Bouchat. – DOI 10.1371/journal.pone.0184001. – Текст : электронный // *PLOS ONE*. – 2017. – Vol. 12, issue 9. – URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0184001> (дата обращения: 10.05.2020).
7. Development and Testing of the Velicer Attitudes Toward Violence Scale: Evidence for a Four-Factor Model / C. A. Anderson, A. J. Benjamin, P. K. Wood, A. M. Bonacci. – DOI 10.1002/ab.20112 // *Aggressive Behavior*. – 2006. – Vol. 32, issue 2. – Pp. 122–136. – URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1002/ab.20112> (дата обращения: 10.05.2020).
8. Carnagey, N. L. Changes in Attitudes Towards War and Violence after September 11, 2001 / N. L. Carnagey, C. A. Anderson. – DOI 10.1002/ab.20173 // *Aggressive Behavior*. – 2007. – Vol. 33, issue 2. – Pp. 118–129. – URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1002/ab.20173> (дата обращения: 10.05.2020).
9. Davidson, M. M. Attitudes Toward Violence Scale: Psychometric Properties with a High School Sample / M. M. Davidson, G. L. Canivez. – DOI 10.1177/0886260512447578 // *Journal of Interpersonal Violence*. – 2012. – Vol. 27, issue 18. – Pp. 3660–3682. – URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0886260512447578> (дата обращения: 10.05.2020).
10. Attitudes Towards War, Killing, and Punishment of Children Among Young People in Estonia, Finland, Romania, the Russian Federation, and the USA / A. McAlister, P. Sandstrom, P. Puska [et al.] // *Bulletin of the World Health Organization*. – 2001. – Vol. 79. – Pp. 382–387. – URL: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/74757/bu0125.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 10.05.2020).
11. Jensen, M. P. Gender, Sex Roles, and Attitudes Toward War and Nuclear Weapons / M. P. Jensen. – DOI 10.1007/BF00288452 // *Sex Roles*. – 1987. – Vol. 17. – Pp. 253–267. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/BF00288452#article-info> (дата обращения: 10.05.2020).
12. Квашиш, В. Е. Смертная казнь и общественное мнение / В. Е. Квашиш // *Право и политика*. – 2000. – № 1. – С. 64–73. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=-96 (дата обращения: 18.03.2020).

13. Макеева, Н. В. Смертная казнь как мера государственного принуждения: политико-правовой анализ / Н. В. Макеева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2013. – № 2 (26). – С. 5–12. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/smertnaya-kazn-kak-mera-gosudarstvennogo-prinuzhdeniya-politiko-pravovoy-analiz/viewer> (дата обращения: 04.04.2020). – Рез. англ.
14. Mackey, D. A. Assessing Punitiveness Among College Students: A Comparison of Criminal Justice Majors with Other Majors / D. A. Mackey, K. E. Courtright. – DOI 10.1080/1478601X.2000.9959561 // *Criminal Justice Studies*. – 2000. – Vol. 12, issue 4. – Pp. 423–441. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/1478601X.2000.9959561> (дата обращения: 04.04.2020).
15. Lambert, E. G. Assessing the Crime and Punishment Views of Criminal Justice Majors: How different are They from Other Majors? / E. G. Lambert. – DOI 10.1080/1478601042000281097 // *Criminal Justice Studies*. – 2004. – Vol. 17, issue 3. – Pp. 245–257. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/1478601042000281097> (дата обращения: 04.04.2020).
16. Valliant, P. M. Attitudes toward Capital Punishment: A Function of Leadership Style, Gender and Personality / P. M. Valliant, C. Oliver. – DOI 10.2224/sbp.1997.25.2.161 // *Social Behavior and Personality: An International Journal*. – 1997. – Vol. 25, no. 2. – Pp. 161–168. – URL: <https://www.ingentaconnect.com/content/sbp/sbp/1997/00000025/00000002/art00007;jsessionid=2nh6su2hrlwoe.x-ic-live-01> (дата обращения: 04.04.2020).
17. Lambert, E. G. Punishment and Rehabilitation Views of Social Work Majors and Non-Social Work Students: An Exploratory Study / E. G. Lambert, S. Pasupuleti, R. Allen // *Journal of the South Carolina Academy of Science*. – 2005. – Vol. 3, issue 1. – Pp. 31–42. – URL: https://pdfs.semanticscholar.org/adbe/e175faef8cf32b7aa19352f5dcbd824d8685.pdf?_ga=2.27583928.562966718.1586521374-33237880.1584872800 (дата обращения: 24.03.2020).
18. Фурманов, И. А. Согласованность тактик разрешения родительско-детского конфликта при дисциплинировании ребенка / И. А. Фурманов // *Психологический журнал*. – 2009. – № 3 (23). – С. 76–82. – URL: <https://clck.ru/RRShi> (дата обращения: 24.03.2020).
19. Фурманов, И. А. Структура дисциплинарных воздействий при разрешении родительско-детского конфликта / И. А. Фурманов // *Психология*. – 2008. – № 3. – С. 9–12. – URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/11585> (дата обращения: 29.03.2020).
20. Фурманов, И. А. Дисциплинирование ребенка: тактики разрешения родительско-детского конфликта / И. А. Фурманов // *Психологический журнал*. – 2008. – № 4 (20). – С. 74–81. – URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/11587> (дата обращения: 24.03.2020).
21. Crouch, J. L. Relationships among Parental Beliefs in Corporal Punishment, Reported Stress, and Physical Child Abuse Potential / J. L. Crouch, L. E. Behl. – DOI 10.1016/S0145-2134(00)00256-8 // *Child Abuse and Neglect*. – 2001. – Vol. 25, issue 3. – Pp. 413–419. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0145213400002568?via%3Dihub> (дата обращения: 24.03.2020).
22. Weston, R. Gender Symmetry and Asymmetry in Violent Relationships: Patterns of Mutuality among Racially Diverse Women / R. Weston, J. R. Temple, L. L. Marshall. – DOI 10.1007/s11199-005-7142-8 // *Sex Roles*. – 2005. – Vol. 53. – Pp. 553–571. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11199-005-7142-8> (дата обращения: 24.03.2020).
23. Archer, J. Sex Differences in Physically Aggressive Acts between Heterosexual Partners: A Meta-Analytic Review / J. Archer. – DOI 10.1016/S1359-1789(01)00061-1 // *Aggression and Violent Behavior*. – 2002. – Vol. 7, issue 4. – Pp. 313–351. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1359178901000611?via%3Dihub> (дата обращения: 24.03.2020).
24. Markowitz, F. E. Attitudes and Family Violence: Linking Intergenerational and Cultural Theories / F. E. Markowitz. – DOI 10.1023/A:1011115104282 // *Journal of Family Violence*. – 2001. – Vol. 16. – Pp. 205–218. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1023%2FA%3A1011115104282> (дата обращения: 24.03.2020).
25. Kane, T. A. Male Domestic Violence Attitudes, Aggression, and Interpersonal Dependency / T. A. Kane, P. K. Staiger, L. A. Ricciardelli. – DOI 10.1177/088626000015001002 // *Journal of Interpersonal Violence*. – 2000. – Vol. 15, issue 1. – Pp. 16–29. – URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/088626000015001002> (дата обращения: 24.03.2020).
26. Gault, B. A. The Roles of Empathy, Anger, and Gender in Predicting Attitudes Toward Punitive, Reparative, and Preventative Public Policies / B. A. Gault, J. Sabini. – DOI 10.1080/026999300402772 // *Cognition and Emotion*. – 2000. – Vol. 14, issue 4. – Pp. 495–520. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/026999300402772> (дата обращения: 24.03.2020).
27. Unnever, J. D. Empathy and Public Support for Capital Punishment / J. D. Unnever, F. T. Cullen, B. S. Fisher. – DOI 10.1080/0735648X.2005.9721205 // *Journal of Crime and Justice*. – 2005. – Vol. 28, is-

sue 1. – Pp. 1–34. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/0735648X.2005.9721205> (дата обращения: 24.03.2020).

28. Карягина, Т. Д. Тест эмпатии М. Дэвиса: содержательная валидность и адаптация в межкультурном контексте / Т. Д. Карягина, Н. В. Кухтова. – DOI [10.17759/cpp.2016240403](https://doi.org/10.17759/cpp.2016240403) // Консультативная психология и психотерапия. – 2016. – Т. 24, № 4. – С. 33–61. – URL: https://psyjournals.ru/en/mpj/2016/n4/karyagina_kukhtova.shtml (дата обращения: 24.03.2020). – Рез. англ.

29. Cross, C. P. Women's Aggression / C. P. Cross, A. Campbell. – DOI [10.1016/j.avb.2011.02.012](https://doi.org/10.1016/j.avb.2011.02.012) // Aggression and Violent Behavior. – 2011. – Vol. 16, issue 5. – Pp. 390–398. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1359178911000425?via%3Dihub> (дата обращения: 24.03.2020).

30. Wood, J. L. Public Attitudes to Crime and Punishment: A Review of the Research / J. L. Wood, G. T. Viki // Report Prepared for the Esmee Fairbairn Charitable Trust. – 2001. – 49 p. – URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/322997.pdf> (дата обращения: 16.03.2020).

31. Biobehavioral Responses to Stress in Females: Tend-and-Befriend, Not Fight-or-Flight / S. E. Taylor, L. Cousino Klein, B. P. Lewis [et al.]. – DOI [10.1037/0033-295x.107.3.411](https://doi.org/10.1037/0033-295x.107.3.411) // Psychological Review. – 2000. – Vol. 107, no. 3. – Pp. 411–429. – URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/10941275> (дата обращения: 16.03.2020)

32. Фурманов, И. А. Половые, возрастные и ролевые различия в коммуникационных реакциях на ситуацию, вызывающую ревность / И. А. Фурманов // Философия и социальные науки. – 2015. – № 2. – С. 73–83. – URL: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/125189/1/73-83.pdf> (дата обращения: 24.03.2020). – Рез. англ.

33. Davis, M. H. Empathy: A Social Psychological Approach / M. H. Davis. – DOI [10.4324/9780429493898](https://doi.org/10.4324/9780429493898). – New York: Routledge, 1996. – 272 p. – URL: <https://www.taylorfrancis.com/books/9780429493898> (дата обращения: 24.03.2020).

Поступила 11.04.2020; принята к публикации 22.09.2020; опубликована онлайн 30.12.2020.

Об авторе:

Фурманов Игорь Александрович, заведующий кафедрой психологии Белорусского государственного университета (220030, Республика Беларусь, г. Минск, пр. Независимости, д. 4), доктор психологических наук, профессор, **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0003-1931-9751>, **Resercher ID:** **N-7121-2019**, fournigor@gmail.com

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Dahlberg L.L., Krug E.G. Violence a Global Public Health Problem. *Ciência & Saúde Coletiva*. 2006; 11(2):277-292. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1590/S1413-81232006000200007>
2. Velicer W.F., Huckel L.H., Hanson C.E. A Measurement Model for Measuring Attitudes towards Violence. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1989; 15(3):349-364. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1177/0146167289153006>
3. Eichenberg R.C. Gender Differences in Public Attitudes toward the Use of Force by the United States, 1990–2003. *International Security*. 2003; 28(1):110-141. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1162/016228803322427992>
4. Jentleson B.W. Still Pretty Prudent: Post-Cold War American Public Opinion on the Use of Military Force. *Journal of Conflict Resolution*. 1998; 42(4):395-417. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1177/0022002798042004001>
5. Dupuis E.C., Cohn E.S. A New Scale to Measure War Attitudes: Construction and Predictors. *Journal of Psychological Arts and Sciences*. 2011; 14:6-15. Available at: https://scholars.unh.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1013&context=psych_facpub (accessed 04.04.2020). (In Eng.)
6. Van der Linden N., Leys C., Klein O., Bouchat P. Are Attitudes Toward Peace and War the Two Sides of the Same Coin? Evidence to the Contrary from a French Validation of the Attitudes toward Peace and War Scale. *PLOS ONE*. 2017; 12(9). (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0184001>
7. Anderson C.A., Benjamin A.J., Wood P.K., Bonacci A.M. Development and Testing of the Velicer Attitudes toward Violence Scale: Evidence for a Four-Factor Model. *Aggressive Behavior*. 2006; 32(2):122-136. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1002/ab.20112>

8. Carnagey N.L., Anderson C.A. Changes in Attitudes towards War and Violence after September 11, 2001. *Aggressive Behavior*. 2007; 33(2):118-129. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1002/ab.20173>
9. Davidson M.M., Canivez G.L. Attitudes toward Violence Scale: Psychometric Properties with a High School Sample. *Journal of Interpersonal Violence*. 2012; 27(18):3660-3682. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1177/0886260512447578>
10. McAlister A., Sandstrom P., Puska P., et al. Attitudes Towards War, Killing, and Punishment of Children Among Young People in Estonia, Finland, Romania, the Russian Federation, and the USA. *Bulletin of the World Health Organization*. 2001; 79:382-387. Available at: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/74757/bu0125.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (accessed 10.05.2020). (In Eng.)
11. Jensen M.P. Gender, Sex Roles, and Attitudes toward War and Nuclear Weapons. *Sex Roles*. 1987; 17:253-267. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF00288452>
12. Kvasish V.Ye. [Death Penalty and Public Opinion]. *Pravo i politika = Law and Policy*. 2000; (1):64-73. Available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=-96 (accessed 18.03.2020). (In Russ.)
13. Makeeva N.V. Capital Punishment as Measure of State Enforcement: Political-Legal Analysis. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennyye nauki = News of Higher Education Institutions. Volga Region. Social Sciences*. 2013; (2):5-12. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/smertnaya-kazn-kak-mera-gosudarstvennogo-prinuzhdeniya-politiko-pravovoy-analiz/viewer> (accessed 04.04.2020). (In Russ, abstract in Eng.)
14. Mackey D.A., Courtright K.E. Assessing Punitiveness among College Students: A Comparison of Criminal Justice Majors with Other Majors. *Criminal Justice Studies*. 2000; 12(4):423-441. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1080/1478601X.2000.9959561>
15. Lambert E.G. Assessing the Crime and Punishment Views of Criminal Justice Majors: How Different are They from Other Majors? *Criminal Justice Studies*. 2004; 17(3):245-257. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1080/1478601042000281097>
16. Valliant P.M., Oliver C. Attitudes toward Capital Punishment: A Function of Leadership Style, Gender and Personality. *Social Behavior and Personality: An International Journal*. 1997; 25(2):161-168. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.2224/sbp.1997.25.2.161>
17. Lambert E.G., Pasupuleti S., Allen R. Punishment and Rehabilitation Views of Social Work Majors and Non-Social Work Students: An Exploratory Study. *Journal of the South Carolina Academy of Science*. 2005; 3(1):31-42. Available at: https://pdfs.semanticscholar.org/adbe/e175faef8cf32b7aa19352f5dcbd824d8685.pdf?_ga=2.27583928.562966718.1586521374-33237880.1584872800 (accessed 24.03.2020). (In Eng.)
18. Fourmanov I.A. [Consistency of Parent-Child Conflict Resolution Tactics in Disciplining a Child]. *Psikhologicheskij zhurnal = Psychological Journal*. 2009; (3):76-82. Available at: <https://clck.ru/RRShi> (accessed 24.03.2020). (In Russ.)
19. Fourmanov I.A. [Structure of Disciplinary Actions in Resolving Parent-Child Conflict]. *Psikhologiya = Psychology*. 2008; (3):9-12. Available at: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/11585> (accessed 29.03.2020). (In Russ.)
20. Fourmanov I.A. [Child Discipline: Tactics for Resolving Parent-Child Conflict]. *Psikhologicheskij zhurnal = Psychological Journal*. 2008; (4):74-81. Available at: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/11587> (accessed 24.03.2020). (In Russ.)
21. Crouch J.L., Behl L.E. Relationships among Parental Beliefs in Corporal Punishment, Reported Stress, and Physical Child Abuse Potential. *Child Abuse and Neglect*. 2001; 25(3):413-419. (In Eng.) DOI: [https://doi.org/10.1016/S0145-2134\(00\)00256-8](https://doi.org/10.1016/S0145-2134(00)00256-8)
22. Weston R., Temple J.R., Marshall L.L. Gender Symmetry and Asymmetry in Violent Relationships: Patterns of Mutuality among Racially Diverse Women. *Sex Roles*. 2005; 53:553-571. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1007/s11199-005-7142-8>
23. Archer J. Sex Differences in Physically Aggressive Acts between Heterosexual Partners: A Meta-Analytic Review. *Aggression and Violent Behavior*. 2002; 7(4):313-351. (In Eng.) DOI: [https://doi.org/10.1016/S1359-1789\(01\)00061-1](https://doi.org/10.1016/S1359-1789(01)00061-1)
24. Markowitz F.E. Attitudes and Family Violence: Linking Intergenerational and Cultural Theories. *Journal of Family Violence*. 2001; 16:205-218. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1023/A:1011115104282>
25. Kane T.A., Staiger P.K., Ricciardelli L.A. Male Domestic Violence Attitudes, Aggression, and Interpersonal Dependency. *Journal of Interpersonal Violence*. 2000; 15(1):16-29. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1177/088626000015001002>
26. Gault B.A., Sabini J. The Roles of Empathy, Anger, and Gender in Predicting Attitudes toward Punitive, Reparative, and Preventative Public Policies. *Cognition and Emotion*. 2000; 14(4):495-520. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1080/0269993000402772>

27. Unnever J.D., Cullen F.T., Fisher B.S. Empathy and Public Support for Capital Punishment. *Journal of Crime and Justice*. 2005; 28(1):1-34. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1080/0735648X.2005.9721205>
28. Karyagina T.D., Kukhtova N.V. M. Davis Empathy Test: Content Validity and Adaptation in Cross-Cultural Context. *Konsultativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*. 2016; 24(4):33-61. (In Russ., abstract in Eng.) DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2016240403>
29. Cross C.P., Campbell A. Women's Aggression. *Aggression and Violent Behavior*. 2011; 16(5):390-398. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1016/j.avb.2011.02.012>
30. Wood J.L., Viki G.T. Public Attitudes to Crime and Punishment: A Review of the Research. In: Report Prepared for the Esmee Fairbairn Charitable Trust; 2001. 49 p. Available at: <https://core.ac.uk/download/pdf/322997.pdf> (accessed 16.03.2020). (In Eng.)
31. Taylor S.E., Cousino Klein L., Lewis B.P., Gruenewald T.L., Gurung R.A.R., Updegraff J.A. Biobehavioral Responses to Stress in Females: Tend-and-Befriend, Not Fight-or-Flight. *Psychological Review*. 2000; 107(3):411-429. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1037/0033-295x.107.3.411>
32. Fourmanov I.A. Sexual, Age and Role Differents in Communicative Reactions to a Situation Provoked Jealousy. *Filosofiya i sotsialnye nauki = Philosophy and Social Sciences*. 2015; (2):73-83. Available at: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/125189/1/73-83.pdf> (дата обращения: 24.03.2020). (In Russ., abstract in Eng.)
33. Davis M.H. Empathy: A Social Psychological Approach. New York: Routledge; 1996. 272 p. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.4324/9780429493898>

Submitted 11.04.2020; revised 22.09.2020; published online 30.12.2020.

About the author:

Igor A. Fourmanov, Head of Chair of Psychology, Belarusian State University (4 Prospect Nezavisimosti, Minsk 220030, Republic of Belarus), Dr.Sci. (Psychol.), Professor, **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0003-1931-9751>, **Resercher ID:** **N-7121-2019**, fourmigor@gmail.com

The author has read and approved the final manuscript.